

ТРЕЩИНА ДАРИЯ

Нейробиология свободы

ΔΑΡΕΙΟΣ

DARIOΣ

DARIUS

ДАРИЙ

داریوس

DARI

ダリウス

7

14

22

43

79

144

266

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

NON VI SED MENTE
OMNIA CONECTA

ФЕНИКС

ФЛАММ

Феникс Фламм

Трещина Дария:

Нейробиология свободы

<https://litres.ru/74615888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нейробиолог Ева Вэнс не умеет чувствовать — пока не подключается к мозгу Александра Македонского, найденного вместо Дария III в иранской гробнице. Вместе с голосом древнего царя она пробуждает Тень: сущность, которая две тысячи лет ждала выхода и умеет превращать человеческие желания в оружие.

Теперь за Евой охотятся корпорации, армии и хранители древнего секрета. Чтобы остановить Тень, ей придётся довериться человеку, который сам не уверен, что когда-либо был человеком, — и решить, можно ли спасти мир, не отняв у него свободу выбирать.

Феникс Фламм

Трещина Дария:

Нейробиология свободы

Пролог. Чужой пот

Пустыня Деште-Кевир, Иран. Объект: «Солнечная гробница». Настоящее время.

Песок здесь пел. Ева Вэнс слышала эту вибрацию даже сквозь трёхметровый слой уплотнённого грунта и титановые своды временной лаборатории. Это был инфразвук — голос пустыни, частота, от которой крошатся зубы и хочется снять с себя кожу.

Но Ева не чувствовала дискомфорта. Для неё мир всегда был приглушённым, словно обёрнутым в вату. Эмоции были для неё тем же, чем цвета для дальтоника, — теоретической концепцией, описанной в учебниках. Она знала, что страх должен заставлять сердце биться чаще, а радость — вызывать выброс дофамина, но для неё это были просто сухие строчки кода.

Именно поэтому её взяли в проект «Дарий». Именно поэтому она сейчас стояла на коленях в стерильном боксе, и её руки по локоть были погружены в брюшную полость человека, умершего две тысячи триста лет назад.

— Температура ядра падает, — прошелестел в ухе голос

ИИ-ассистента. — Белковая матрица начинает кристаллизоваться. Если ты не отключишься в течение сорока секунд, образец превратится в пыль.

— Ещё минуту, — хрипло ответила Ева.

Её «синаптический резонатор» гудел, охлаждая воздух вокруг её кистей до минус ста градусов. Перед ней лежал саркофаг. Мир искал Дария III. Царь, бежавший от Александра, бросивший свои сокровища и свою армию. Мир хотел золота. Ева хотела данных.

Она коснулась диафрагмы мумии. Кожа, чёрная как смоль, была твёрдой, как эбеновое дерево. Ева надела нейрокапсулу. Мир моргнул.

Она стояла на холме. Вместо белого пластика лаборатории — выжженная охра. Вместо гула генераторов — тяжёлый, ритмичный гул тысяч глоток, кричащих на языке, который её мозг автоматически переводил как «Огонь!».

Это было не воспоминание. Это было ощущение. Она чувствовала тяжесть кожаных ремней панциря. Чувствовала, как натирает седло внутренняя часть бедра. Чувствовала жажду — такую острую, что язык казался куском дерева.

«Слишком медленно», — подумала она. Но мысль была не её. Она принадлежала мужчине, чьи глаза смотрели на мир с высоты роста Буцефала.

Ева попыталась отступить. Это был протокол безопасности — «Наблюдатель не должен вовлекаться». Но что-то пошло не так. Резонатор, предназначенный для считывания

остаточного электричества в древних нейронах, наткнулся на аномалию. Синапсы не были мертвы. Они были законсервированы.

Перед её внутренним взором поплыли строки данных:

ОБЪЕКТ: [КРАСНЫЙ ПЕСОК]

СТАТУС: [ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДНК...]

СОВПАДЕНИЕ: [ОТРИЦАТЕЛЬНО]

ОБЪЕКТ: [ГЕНОМНАЯ ПОДПИСЬ]

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: [МАКЕДОНСКИЙ, АЛЕКСАНДР
III]

— Невозможно, — прошептала Ева вслух, но в видении всадник лишь пришпорил коня.

Александр — она — смотрел на восток. Там, за грядой холмов, где воздух дрожал от жара, лежала Экбатана. Там был Дарий. Но Александр не чувствовал предвкушения победы. Ева, подключённая к его лимбической системе, чувствовала то, чего не было в исторических хрониках. Скуку. И тяжёлую, как камень в желудке, усталость.

«Они думают, я гонюсь за ним», — пронеслось в сознании. — «Они думают, я хочу его смерти».

Внезапно видение дёрнулось. Цвета поблекли, сменившись монохромным гулом. Последним, что увидел Александр перед тем, как его тело в гробнице обмякло, была не битва. Это была тень. Тень его собственного генерала, Кратера, стоящего у входа в шатёр. В руке Кратера был не меч. Там был комок влажной шерсти, пропитанный соком расте-

ния, которое в Македонии называли «Слеза титана».

«Ты слишком велик для этого мира, сын», — голос Филиппа в его голове.

«Я сделаю мир достойным меня», — ответ Александра.

А затем — боль. Не от яда. От предательства. Его же люди заперли его. Не убили. Замуровали. В темноте. Живым. Он слушал, как за стеной делят его империю. Как льют фальшивые слёзы. И он не кричал. Он запоминал.

Мир ударил по глазам неоновой вспышкой. Ева закричала, вырывая руки из саркофага. Кристаллизовавшийся сок внутри мумии треснул, и из грудной клетки царя пошёл лёгкий дымок — запах озона и жжёной пыли.

— Контакт разорван! — взвыла система. — Повреждение коры головного мозга оператора! Ева, ты кровоточишь!

Она сорвала нейрокапсулу. На виске, там, где электроды впились в кожу, выступила кровь. Она посмотрела на свои руки. Они дрожали. Ева Вэнс, женщина, которая не могла заплакать на похоронах собственной матери, чувствовала, как по щекам текут горячие, солёные слёзы.

Она чувствовала всё.

— Ева? — в лабораторию влетел Виктор, руководитель экспедиции. Его лицо было бледным. — Что случилось? Система зафиксировала эпилептический разряд мощностью в три тысячи вольт. Это невозможно... ты же просто...

— Он не Дарий, — прошептала Ева. Голос был чужим. Хриплым. — Виктор, уберите отсюда военных.

Из-за спины Виктора вышел Маркус. Куратор проекта от «Атропоса». Он не носил формы — предпочитал дорогие гражданские костюмы, которые выглядели в этой пыльной дыре как насмешка. Говорили, что когда-то он был военным. Настоящим. Но теперь от формы осталась только выправка — слишком прямая спина, слишком ровный шаг. Все звали его Генералом. За глаза. Он знал. Ему нравилось.

— Проблемы, доктор Вэнс? — его голос был мягким, как шёлк, но глаза смотрели как прицелы снайперской винтовки. — Наш спонсор вложил в эту яму полмиллиарда долларов. Он ждёт царя Персии.

— Вы ждали не того мертвеца, — Ева медленно поднялась с колен. Её пошатывало, но она смотрела на Маркуса прямо в глаза. Впервые в жизни она не чувствовала страха перед властью. Она чувствовала отвращение. — В гробнице Александр.

Маркус улыбнулся.

— Александр? Великолепно. Он стоит дороже. Его ДНК, его кости... сувениры для элиты.

— Вы не понимаете, — Ева стёрла кровь с виска. — Его мозг не умер. Он записал туда всё. Как он убивал. Как он любил. Как он предавал.

Она шагнула вперёд, наступая на тень Маркуса.

— И он оставил там ловушку.

Маркус перестал улыбаться.

— Что за ловушку?

Ева посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. На экране за её спиной всё ещё шла идентификация. Строки бежали, не останавливаясь. Но имя она уже знала.

И не понимала, почему ей страшно его произносить.

— Инструкцию, — сказала она тихо. — Как стать живым богом.

Она подняла глаза на Маркуса. И в её взгляде не было ни торжества, ни угрозы. Только странная, холодная пустота человека, который только что открыл дверь и не знает, что за ней.

— И я только что её активировала.

Глава 1. Изоляция

Лаборатория «Дубай-Спектр». 48 часов после находки.

Ева не помнила перелёта. Не помнила, как саркофаг грузили в самолёт. Не помнила, как Виктор подписывал бумаги, как военные упаковывали оборудование, как Иран оставался позади — пыль, жара, песок, который пел. Всё это прошло мимо. Потому что она была не здесь. Она была там. В темноте. С ним.

А теперь был Дубай. Стекло. Сталь. Стерильный холод.

Тишина в «Спектре» имела вес. Она состояла из гула систем жизнеобеспечения, щелчков реле и едва уловимого шипения ионизированного воздуха. Ева Вэнс стояла перед зеркальной стеной медицинского блока, прижимая к виску холодный компресс.

Шрам пульсировал. Но хуже физической боли была «Трещина». За последние двое суток, прошедшие с момента контакта в гробнице, её внутренний предохранитель перегорел. Искусственный барьер, который десятилетиями отделял её рациональный мозг от хаоса человеческих чувств, рухнул.

Она включила воду. Струя ударила в дно раковины. Звук был настолько резким, что Ева вздрогнула и зажала уши. Слишком громко. Она посмотрела на свои руки. Кожа казалась неестественно бледной, почти прозрачной. Она видела каждую вену, каждую микроскопическую пору. Слишком ярко.

— Доктор Вэнс, — голос ИИ-лаборатории «Митра» был лишён эмоций, и за это Ева была ему благодарна. — Ваши биометрические показатели нестабильны. Частота сердечных сокращений — сто двадцать ударов в минуту. Вы не спали тридцать один час.

— Я в порядке, Митра, — Ева заставила себя разжать пальцы. Вода потекла по её запястью. Она почувствовала температуру. Не просто «тепло» или «холодно» как данные, а текстуру — скользкую, обволакивающую. Это было одновременно восхитительно и отвратительно.

— Куратор Маркус требует отчёт, — продолжил «Митра». — Корпорация «Атропос» блокирует внешние каналы связи. Мы изолированы.

Ева выключила воду и вытерла руки. Маркус. Она посмотрела в зеркале себе в глаза. Зрачки были расширены, радуж-

ка почти полностью поглотила коричневый цвет. Александр не просто оставил «ловушку». Он оставил себя.

Когда она подключилась к нему, его сознание не просто транслировало образы. Оно начало перестраивать её нейронные связи, заполняя пустоты в её собственной архитектуре. Он лечил её алекситимию самым радикальным методом из возможных — он отдавал ей свои пороки.

В главном зале управления, который больше напоминал операционную, ждал Маркус. Он сидел в её кресле, закинув ногу на ногу. Его туфли из кожи ската стоили больше, чем годовой бюджет её кафедры в Оксфорде.

— Ты выглядишь дерьмово, Ева, — сказал он, даже не повернув головы, когда она вошла. — Твои люди говорят, ты бредила царём.

— Я не бредила, — Ева подошла к главному терминалу. Её движения стали другими — более плавными, хищными. Она сама это замечала. — Дарий мёртв. В саркофаге Александр Великий.

Маркус наконец повернулся. У него было лицо успешного банкира — симметричное, лишённое пор, с той лёгкой надменностью, которая приходит от обладания неограниченной властью.

— Это меняет финансовые расклады в лучшую сторону. Александр — бренд. Мы продадим каждый его ноготь.

— Вы ничего не продадите, — Ева активировала голографический проектор. В воздухе повисла трёхмерная модель

мозга. Но это был не современный мозг. Это был серо-фиолетовый, покрытый древними сосудами орган Александра. — Потому что он не мёртв.

Она вывела на экран данные «Резонатора».

— Смотрите на паттерны дельта-волн. Это не посмертный распад. Это состояние «Ожидания». Он превратил свой мозг в квантовый жёсткий диск. Температура гробницы, химический состав смол, отсутствие кислорода — всё это было нужно, чтобы замедлить декогеренцию его сознания.

— Ты говоришь о призраках, — Маркус поморщился. — Я финансирую науку, а не спиритизм.

— Я говорю о нейроархеологии, — Ева увеличила участок гиппокампа. — Он записал туда всё. Включая то, что вы называете «Формулой Гомонойи».

Маркус подался вперёд. Его идеальная осанка едва заметно сбилась.

— Ты про этот миф? Объединение человечества?

— Это не миф, — Ева понизила голос. — Это алгоритм. Математическая модель того, как заставить миллиарды людей захотеть одного правителя.

Она развернула данные. Строки бежали по экрану — те же, что она видела в гробнице. Но теперь она читала их медленнее. Вникая.

— Я раскопала это вчера. В его памяти. Не как воспоминание. Как протокол. Он записал туда не то, что было. Он записал то, что должно было случиться. Если бы он выжил.

— И что должно было случиться?

Ева молчала. Она смотрела на строки. На фрагменты. На то, что складывалось в картину — медленно, как пазл.

— Он хотел объединить мир, — сказала она наконец. — Не завоевать. Объединить. Он хотел сделать так, чтобы все люди хотели одного. Одного правителя. Одного порядка. Одной воли. Это и есть Гомонойя. Единомыслие.

— Звучит как мир во всём мире, — Маркус улыбнулся. — Разве это плохо?

— Это не мир, — Ева посмотрела на него. — Это улей. Люди перестают быть людьми. Они перестают хотеть. Они просто соглашаются. Навсегда.

Она вернулась к экрану. К данным. К тому, что не сходилось.

— Но здесь есть пробел. Фрагмент, который я не могу прочитать. Он зашифрован. Или... стёрт.

— Кем?

— Не знаю, — Ева нахмурилась. — Пока не знаю.

Маркус долго молчал. Он смотрел на голограмму мозга, но Ева знала — он видит не нейроны. Он видит армии, марширующие в унисон.

— Ты можешь его достать? — спросил он тихо.

— Уже, — Ева коснулась своего виска. — Я синхронизировалась с ним. Частично. Его... паттерны мышления агрессивны. Они подавляют мои. Но если мы извлечём ядро памяти...

— Мы извлечём, — перебил Маркус. Он встал. Иллюзия вежливости исчезла. — Ты сделаешь это здесь. Сейчас. «Атропос» пришлёт своих специалистов. Мы вытащим алгоритм, загрузим его в нашу нейросеть и продадим государствам. Войны закончатся, Ева. Мы просто купим всех.

— Это не инструмент, Маркус, — Ева встала между ним и терминалом. — Если запустить этот код в современную сеть, он не создаст мир. Он создаст улей. Люди перестанут быть людьми.

— Люди — это самый неэффективный вид мусора во Вселенной, — улыбнулся Маркус. — Пора навести порядок. Отойди от пульта.

Ева не двинулась. Она посмотрела на свои руки. Она почувствовала, как в крови вскипает адреналин. Чистый, неразбавленный. Гнев. Она ненавидела это чувство. Оно делало её слабой. Оно заставляло сердце колотиться, а мышцы — дрожать.

Но где-то в глубине её разума, перекрывая её собственный страх, прозвучал другой голос. Холодный, как сталь, и древний, как песок.

«Убей его».

Ева моргнула.

— Нет, — сказала она.

Маркус перестал улыбаться.

— Что ты сказала?

— Я сказала «нет», — Ева ударила по кнопке аварийной

блокировки. Стальные жалюзи с грохотом опустились, открывая лабораторию от внешнего мира.

— Ты уволена, доктор Вэнс, — процедил Маркус, доставая из-за пояса пистолет. Это был не табельный «Глок», а кастомный нейропарализатор. — А теперь открой дверь, пока я не выжег тебе мозги.

Ева посмотрела на оружие. Она не почувствовала ужаса. Она почувствовала... ясность. Александр внутри неё анализировал траекторию выстрела, скорость испарения газа и слабое место в кевларовой вставке её собственного кресла.

— Ты не понимаешь, — сказала она, делая шаг к нему. — Ты думаешь, я его изучаю.

Она улыбнулась, и улыбка эта была не её — слишком широкая, слишком уверенная, лишённая страха.

— Это он изучает меня.

Она бросилась вперёд быстрее, чем Маркус успел нажать на спуск.

Глава 2. Хищник

Выстрел нейропарализатора — это не вспышка, а хлопок разрываемого воздуха. Ева не думала. Сознание Александра, дремавшее в её лимбической системе, перехватило управление моторными нейронами. Её тело, которое годами знало только покой лабораторных кресел, двигалось с грацией пумы.

Она не стала блокировать руку Маркуса. Это было бы

слишком медленно. Она поднырнула под ствол, используя инерцию его собственного движения, и ударила раскрытой ладонью ему в локтевой сустав. Раздался сухой, тошнотворный хруст. Маркус взвыл, роняя оружие.

Пистолет упал на стальной пол. Ева наступила на него каблуком, не сводя глаз с лица куратора.

— Ты... ты сломала мне руку, — прохрипел Маркус, оседая у стены. Его дорогой костюм помялся, на лбу выступил пот. Впервые за всё время их знакомства он выглядел не как хищник, а как жертва.

— Я зафиксировала её, — ровным голосом ответила Ева.
— Чтобы ты не наделал глупостей.

Она присела рядом с ним. Её движения были пугающе спокойными. Она подняла пистолет. Это была модель «Гипнос-7», стреляющая дротиками с тетрадоксинам. Смерть была не обязательна, но отключение высшей нервной деятельности — гарантировано.

— Митра, — позвала Ева.

— Слушаю, доктор, — отозвался ИИ.

— Запусти протокол «Слепая зона». Отключить все внешние камеры, микрофоны и датчики давления в радиусе этого модуля. Заблокировать связь «Атропоса» на частоте компании.

— Запрос отклонён, — ответил «Митра». — У меня нет прав администратора. Куратор Маркус имеет высший приоритет доступа.

Ева посмотрела на Маркуса.

— Приоритет отменяется, — сказала она. — Код: «Фаланга. Дельта. Семь».

Глаза Маркуса расширились. Это был код абсолютной блокировки, который знали только три человека в правлении «Атропоса». Откуда он был у неё?

Ева сама не знала. Александр просто вспомнил его. Для него структуры власти, шифры и иерархии были такой же частью ландшафта, как песок. Но откуда он мог знать современный код?

Она не успела об этом подумать. «Митра» уже отвечал:

— Протокол «Слепая зона» активирован. Добро пожаловать в тень, доктор Вэнс.

Маркус смотрел на неё с ужасом.

— Что ты такое?

— Я — то, что остаётся, когда мертвецу становится скучно, — Ева поднялась. Она подошла к саркофагу, который всё ещё стоял в центре стерильного бокса.

— Ты не понимаешь, с чем играешь, — Маркус попытался встать, прижимая сломанную руку к груди. — «Атропос» не оставит это так. Они вскроют этот бункер, как консервную банку.

— Пусть приходят, — Ева ввела код на панели саркофага. Тяжёлая крышка из сплава титана и керамики с шипением поползла в сторону. — Им будет интересно посмотреть на своего нового бога.

Внутри, в облаке инертного газа, лежал Александр. Он не был похож на мумию. Кожа имела восковой, желтоватый оттенок, но черты лица были чёткими. Густые рыжие волосы казались влажными. Он выглядел спящим.

Ева подошла ближе. Она протянула руку, чтобы коснуться его лба, но замерла.

— Митра, — сказала она, не оборачиваясь. — Запусти «Резонатор». Протокол «Чтение». Только пассивный режим. Я не хочу будить его. Только... посмотреть.

— Ева, это опасно, — впервые в голосе ИИ прозвучала интонация, похожая на беспокойство. — Твоя нейронная карта нестабильна. Вторичное подключение может вызвать каскадный коллапс.

— Если я не пойму, как он умер, он убьёт нас всех, когда проснётся, — ответила Ева. — Запускай.

Она опустила нейрошлем на голову. Мир снова исчез.

Она стояла в тени кипарисов. В воздухе пахло кровью, розовым маслом и пылью. Это был Вавилон.

Александр лежал на огромной кровати. Он был бледен, по его лицу струился пот, хотя рабы не жалели льда. Ева — или тот, кем она сейчас была, друг царя по имени Эвмен — стоял у изголовья. Александр смотрел на него. Его глаза, обычно горевшие огнём безумия, были ясными и полными паники.

«Они забрали мой меч», — прошептал Александр. Его голос был слабым, но в нём звенел металл. — «Тот, кто забрал меч, уже выбрал мою могилу».

«Ты просто болен, царь», — ответил голос Эвмена. — «Антипатр привёз вино...»

«Вино было ядом», — Александр схватил руку Евы. Его хватка была железной, несмотря на лихорадку. — «Но яд — это милосердие. Они боятся не моей смерти. Они боятся того, что я сделаю, когда вернусь из Индии. Я хотел стать ветром, Эвмен. А они хотят сделать из меня камень».

Видение дёрнулось. Теперь она была в другом месте. Не в спальне. В зале. Большом. С колоннами. Там стояли люди. Много. В доспехах. Без шлемов. Они говорили тихо. Но Ева слышала каждое слово.

Первый. Селевк. Полководец с тяжёлым подбородком и шрамом через бровь.

— Он вернулся из Индии другим. Ты видел его глаза? Он смотрит сквозь тебя. Как будто ты — не человек. Как будто ты — препятствие.

Второй. Птолемей. Хитрый. Тихий. С глазами, которые считают всё.

— Он говорит о едином мире. О Гомонойе. Он хочет, чтобы мы отказались от воли. От выбора. От себя. Ради его порядка.

Третий. Кратер. Тот самый. С комком шерсти в руке.

— Я видел, что он делает с теми, кто не согласен. Он не убивает. Он убеждает. И люди соглашаются. Добровольно. Они смотрят в его глаза — и кивают. Я не знаю, что это. Но это не человек.

Пауза. Долгая. Ева слышала, как они дышат. Как молчат. Как решают.

— Мы не можем его убить, — сказал Селевк. — Он — царь. Бог. Если мы убьём его — империя рухнет.

— Мы не будем убивать, — сказал Крацер. — Мы сохраним. Для истории. Для будущего. Он хотел стать богом. Пусть станет. Мумией. Символом. Мы запечатаем его. И то, что в нём. Вместе.

Ева хотела закричать. Хотела остановить. Но это было видение. Это было прошлое. Это было уже.

Видение дёрнулось. Теперь она была в туннеле. Темно. Дышать нечем. Она чувствовала тяжесть каменной плиты, которую толкают чьи-то руки. Это был замурованный склеп. Александр был жив. Он не спал. Он стоял в полной темноте, прижимая ладони к камню. Он не кричал. Он просто... слушал.

Он слушал, как снаружи, в тронном зале, его генералы делят его империю. Как они льют фальшивые слёзы. Как Крацер говорит: «Он был велик. Он будет великим. Но не сейчас. Не таким».

«Я запомню», — прозвучала мысль в темноте. — «Я запомню каждую ложь. И когда вы откроете дверь, чтобы забрать мои кости, меня внутри уже не будет. Будет только Трещина».

Ева сорвала шлем с головы так резко, что содрала кожу на виске. Она тяжело дышала, опершись о саркофаг.

— Они... замуровали его, — выдохнула она. — Не потому, что боялись его. Потому что боялись того, что в нём. Они видели, что он делает с людьми. Как он заставляет их соглашаться. И они решили, что лучше запереть его. Живым. В темноте. Навсегда.

Маркус, забившийся в угол, смотрел на неё безумными глазами.

— Ты... ты видела это?

— Я это чувствовала, — Ева стёрла пот со лба. Её руки всё ещё дрожали, но теперь это был не страх. Это была трансформация. — Он не просто царь, Маркус. Он — воплощённая обида.

Она посмотрела на саркофаг. На восковое лицо Александра.

— И ещё. Они говорили о том, что в нём. Они не знали, что это. Но они знали, что это не он. «Я видел, что он делает с теми, кто не согласен. Он не убивает. Он убеждает. И люди соглашаются. Добровольно».

Она замолчала. В её голове что-то не сходилось.

— Но это не Александр, — сказала она тихо. — Это не он делал. Это она. Тень. Он говорил о Гомонойе. А она — делала. Его руками. Его голосом. И он не видел разницы.

Она закрыла глаза. Вспомнила, как в видении Александр схватил её руку. «Вино было ядом. Но яд — это милосердие». Он знал, что его отравят. Он хотел этого. Потому что боялся не смерти. Он боялся того, что выйдет, если он оста-

нется жив.

Но они не отравили. Они замуровали. Они оставили его в темноте. С этим.

— Они пытались убить и её тоже, — сказала Ева. — Они думали, что если он умрёт — умрёт и то, что в нём. Но они ошиблись. Тень не умерла. Она просто ждала. Вместе с ним. В темноте. Две тысячи лет.

Внезапно в лаборатории погас свет. Остались только красные лампы аварийного питания. Тяжёлая гермодверь, которую Ева заблокировала кодом «Фаланга», начала медленно открываться. Гидравлика выла под нагрузкой.

— Ты заблокировала связь, но не вентиляцию, — прошептал Маркус, и на его губах появилась кровавая улыбка. — «Атропос» пустил в систему охлаждения нейротоксин. Через тридцать секунд мы будем корчиться на полу.

Ева посмотрела на саркофаг. На бледное лицо Александра.

— Митра, — сказала она. — Отменить протокол «Слепая зона».

— Но, доктор...

— ЖИВО, МИТРА! — рывкнула она так, что Маркус вздрогнул.

— Отменяю... — ИИ замолчал. — Связь восстановлена.

Ева подошла к терминалу. На экране мигал входящий вызов. Штаб-квартира «Атропоса». На связи был не дежурный. На экране появилось лицо человека, которого Ева никогда не

видела, но чьё присутствие ощущалось в каждом контракте, который она подписывала. Лицо без возраста, без эмоций. Лицо самого Корпората.

— Доктор Вэнс, — сказал Корпорат. Его голос звучал из всех динамиков лаборатории. — Вы препятствуете работе службы безопасности. Это неприемлемо.

Ева посмотрела прямо в камеру. Она чувствовала, как внутри неё расправляет плечи тень македонского царя.

— Ваш куратор мёртв, — сказала она. — А я только что поняла, что вы пытаетесь разбудить.

Она нажала клавишу. Экран погас. Но связь осталась открытой.

Ева подошла к Маркусу.

— Они не пустили газ, — сказала она. — Они пустили «чистильщиков». Автономные дроны.

Из вентиляционных шахт в потолке посыпалась пыль. Раздался тихий, нарастающий механический свист.

Ева посмотрела на свои руки, затем на тело Александра.

— Что ж, — прошептала она. — Посмотрим, умеет ли мертвец драться.

Глава 3. Сталь

Свист «чистильщиков» не был громким. Это был звук высокочастотных сервоприводов, разрезающих воздух. Звук идеальной, бездушной эффективности. Ева знала эти модели. «Аид-9». Корпоративные палачи «Атропоса». Они не

стреляли на поражение сразу — сначала они парализовали жертву нейродротиками, а затем перемалывали кости в пыль встроенными лазерами, чтобы не оставлять улики.

— Митра, анализ угроз! — крикнула Ева, отступая к саркофагу.

— Четыре единицы, — мгновенно отозвался ИИ. — Входят через южную вентиляционную шахту. Скорость — двадцать метров в секунду. Броня класса «Керамид».

— Они пришли не арестовывать, — прохрипел Маркус из своего угла. Он всё ещё прижимал сломанную руку, но в его глазах разгорался огонёк триумфа. — Они пришли защищать. Тебя, меня, царя... всё это залиют кислотой и вывезут в Тихий океан.

Ева не слушала. Она смотрела на «чистильщиков». Они вывалились из шахт и мягко приземлились на пол. Белые, паукообразные машины, лишённые лиц. Их единственная камера-глаз пульсировала красным, сканируя помещение.

«Слева. Слепая зона — четырнадцать градусов под суставом манипулятора».

Голос в её голове был не её. Он был холодным, как сталь, и отдавался эхом в черепе. Но теперь Ева знала: это не приказ. Это карта. Александр не командовал. Он показывал. Разница была тонкой, но важной. Он не заставлял её двигаться. Он давал ей то, чего она не видела сама. И ждал, что она сделает с этим.

Она сделала.

Ева не стала прятаться. Она шагнула вперёд, навстречу дронам.

— Митра, — сказала она тихо. — Открой саркофаг. Полностью.

— Доктор, это нарушит протокол консервации. Дегradация образца составит...

— ДЕЛАЙ ЭТО! — рывкнула она, и в её голосе прозвучал такой первобытный приказной тон, что «Митра» подчинился без дальнейших возражений.

Крышка гробницы с шипением отъехала в стену. Облако инертного газа вырвалось наружу, окутав Еву белым паром.

«Чистильщики» замерли на долю секунды. Их протоколы были настроены на уничтожение живой органики. Облако газа, исходящее от древнего трупа, сбilo их алгоритмы распознавания целей.

Этого хватило.

Первый дрон выстрелил. Синий дротик с тетродотоксином устремился к Еве.

Она не уклонилась. Она поймала его.

Её рука метнулась вперёд со скоростью, невозможной для обычного человека. Пальцы сомкнулись на дротике в полёте. И в этот момент Ева почувствовала — не как зритель, а как участник. Она почувствовала, как сталь дротика касается кожи. Как холодна его поверхность. Как напряжены мышцы её собственной руки.

Это было её движение. Не его. Её.

Она сломала дротик пополам.

— Митра! — крикнула она, бросая обломки на пол. —
Протокол «Персефона»!

— Доступ запрещён.

— ОТКЛЮЧИ ФАРЫ!

Свет в лаборатории погас. Наступила абсолютная темнота.

«Чистильщики» переключились на инфракрасное зрение. Красные лучи их сканеров заматались по залу. Но Ева не двигалась. Она стояла в облаке газа, который был теплее, чем воздух в лаборатории. Для тепловизоров «Аидов» она слилась с фоном. Она стала невидимкой.

«Они видят тепло. Дай мне их глаза», — прошептал Александр.

Ева сорвала со стены огнетушитель. Она не стала направлять его на дронов. Она ударила им о край саркофага. Сталь ударила о керамику. Сноп искр.

Дроны мгновенно повернули камеры на вспышку. Это была классическая ошибка — рефлекс на движение и свет.

Ева была уже не там. Она двигалась вдоль стены, используя «слепые зоны», которые Александр чертил в её сознании, как карту.

Она схватила тяжёлый стальной штатив, на котором крепился монитор жизненных показателей. Первый «Аид» развернулся к ней. Его красный глаз вспыхнул, фокусируясь.

Ева не стала бить по камере. Она ударила по «шее» —

тонкому сегменту, соединяющему купол с телом.

Штатив пробил броню. Ева налегла всем весом. Она чувствовала, как металл поддаётся, как лопаются оптоволоконные кабели внутри машины.

«Чистильщик» забился в конвульсиях, размахивая манипуляторами. Один из лазеров ударил в потолок, осыпав их осколками пластика.

— Один, — выдохнула Ева, выдёргивая штатив.

Второй и третий дроны открыли огонь одновременно. Воздух наполнился визгом дротиков.

Ева бросилась на пол, перекатываясь за массивный серверный шкаф. Дерево и пластик полетели в стороны под ударами лазеров.

«Слишком медленно», — промелькнул в сознании голос Александра. — «Они учатся».

Маркус, прячущийся за перевёрнутым столом, закричал: — Вы сдохнете! Оба! Они вызовут подкрепление!

Ева выглянула из-за укрытия. Дроны расходились в стороны, пытаясь взять шкаф в клещи. Их алгоритм был безупречен.

Четвёртый дрон, который до этого висел в тени у дальней стены, отделился от группы. Его камера не светила красным — он перешёл в пассивный режим, сканируя акустику. Он слушал её. Он искал её дыхание. Он был умнее остальных.

Ева поняла это за секунду до того, как он выстрелил. Не

дротиком. Лазером. Прицельно. Туда, где она только что была.

Она успела откатиться. Луч прожёл пол в сантиметре от её плеча. Запахло горелым пластиком и собственной кожей.

— Четвёртый — ведущий, — прошептала она, прижимаясь к шкафу. — Остальные — ведомые. Если убрать его, остальные ослепнут.

— Как? — спросил Александр.

— Я не знаю. Дай мне что-нибудь.

Пауза. Ева чувствовала, как он ищет. Как он думает. Как он есть.

— Пожарная система, — сказал он. — На потолке. Труба. Если её пробить — пойдёт пена. Она залепит им сенсоры.

Ева посмотрела на потолок. Труба была в десяти метрах. Между ней и трубой — три дрона.

— Я не успею, — сказала она.

— Успеешь, — сказал он. — Я помогу.

Она почувствовала, как что-то в её теле сдвинулось. Не контроль. Скорость. Как будто мышцы стали плотнее, сухожилия — эластичнее. Она всё ещё была собой. Но теперь — быстрее.

Она выскочила из-за шкафа. Не прячась. Бегом.

Первый дрон повернулся. Она обогнала его луч. Буквально. Она видела, как красная точка лазера ищет её, и как она сама оказывается быстрее. На полшага. На четверть. Но быстрее.

Второй дрон выстрелил дротиком. Она поймала его на бегу — не рукой. Локтем. Отбила, не сбавляя шага.

Третий дрон — ведущий — замер. Его процессор анализировал. Он не мог поверить. Цель двигалась не по человеческим законам.

Ева подпрыгнула. Высоко. Слишком высоко для человека с её физической подготовкой. Её пальцы сомкнулись на пожарной трубе. Она рванула её вниз. Металл завизжал, срываясь с креплений.

Пена хлынула белым потоком. Она залила зал. Дроны заметались, слепые, оглушённые, беспомощные. Их сенсоры отключились один за другим.

Ева упала на пол. Тяжело. Неуклюже. Нога подвернулась — теперь уже её нога, не Александра. Боль пронзила колено. Настоящая. Человеческая.

Она подняла с пола пистолет Маркуса. Прицелилась. Выстрелила. Не в дронов. В резервуар с инертным газом на потолке.

Баллон взорвался с оглушительным хлопком. Лабораторию заполнил туман из жидкого азота и пыли.

В этом тумане, в абсолютном хаосе температур, сенсоры «чистильщиков» ослепли окончательно.

Ева выскочила из-за шкафа. Она была покрыта инеем. Её волосы побелели. Но она улыбалась.

Она подбежала к первому ослепшему дрону, который крутился на месте, и вырвала из его брюха блок питания.

— Ты хотел формулы, Маркус? — крикнула она сквозь пар, вырывая аккумулятор из второго «Аида». — Вот тебе формула! Хаос всегда побеждает идеальный порядок!

Когда туман начал рассеиваться, в лаборатории пахло озоном, кровью и древностью. Три «Аида» лежали на полу грудой мёртвого металла. Четвёртый — ведущий — дымился у стены, пронзённый собственным манипулятором.

Ева стояла, тяжело дыша, опираясь на штатив. Её руки были изрезаны, на лице замерзли дорожки от пота. Нога болела так, что она едва стояла. Но она стояла.

Она посмотрела на саркофаг. Дрель «Митры» всё ещё торчала из груди Александра. Из-под острия, медленно, как ртуть, текла чёрная капля.

— Он всё ещё там, — прошептала она. — И он всё ещё голоден.

Маркус смотрел на неё из своего угла. Он больше не улыбался. Он смотрел на неё так, как смотрят на стихийное бедствие, которое невозможно контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.